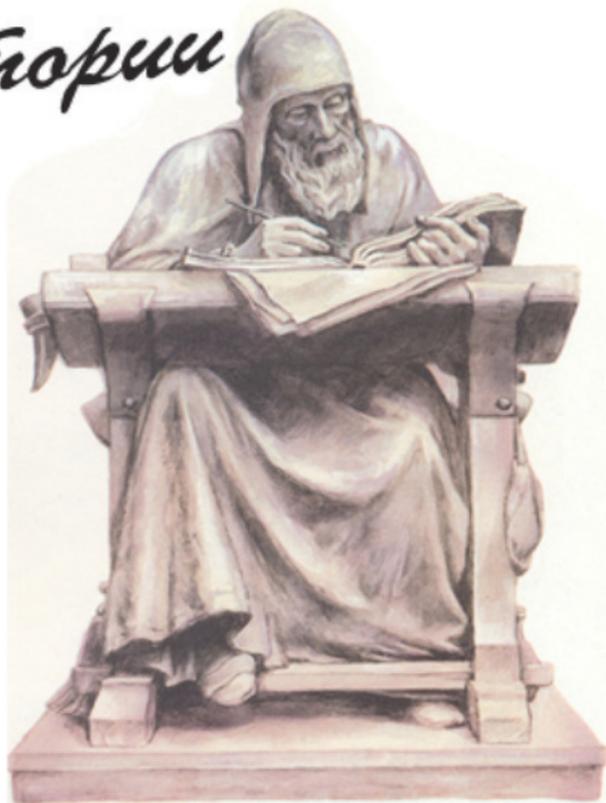

ЛЕВ АЛЮМАЗ

*Серые пятна
истории*

Израиль 2012

Лев Альтмарк

Серые пятна истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5981141

Серые пятна истории: Издательство автора; Беэр-Шева Израиль;

2012

Аннотация

На страницах этой весёлой книжки читатель встретит много известных политиков, деятелей культуры, писателей, чьи имена на слуху, но в совершенно необычном ракурсе. Нет священных коров и нет запретных тем, тем более для сатиры. Смешение и перекличка времён, хождение на грани дозволенного может вызвать у иного читателя бурный протест, но все персонажи книжки – непременно живые и современные нам люди. Со своими ошибками и неудачами, сомнениями и поисками – они для читателя вовсе не хрестоматийные и бронзовые, как их принято изображать в официальных источниках и биографиях. Все описанные истории, конечно же, выдумка, но... сказка – ложь, да в ней намёк...

Содержание

Нестор и русские герои	6
Карамзин, Ключевский и Пётр Первый	9
Михайло Ломоносов и скорпионы	13
Рубенс и Папа Римский	17
Пушкин и Гоголь	22
Пушкин и Лермонтов	27
Пушкин и Достоевский	30
Пушкин и Байрон	34
Дельвиг и Кюхельбеккер	38
Афанасий Фет и Фёдор Тютчев	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лев Альтмарк

Серые пятна истории

С самого раннего детства мне казалось, что всемирная история представляет собой бесконечный свиток, на котором события, происходившие когда-то, записаны безвестным летописцем поначалу какой-нибудь полупонятной шумерской клинописью, потом ровными рядами библейского иврита, сменяющегося древнеегипетскими птучками и греческими кругляшками, следом – древнеславянской вязью, плавно перетекающей в современный русский язык, которому в будущем придёт на смену что-то новое. Да простят меня китайцы, индусы и прочие народы, имеющие свою не менее богатую историю и письменность, но о них у меня представления ещё более смутные, нежели об истории европейской цивилизации и её языках. Впрочем, что есть, то есть...

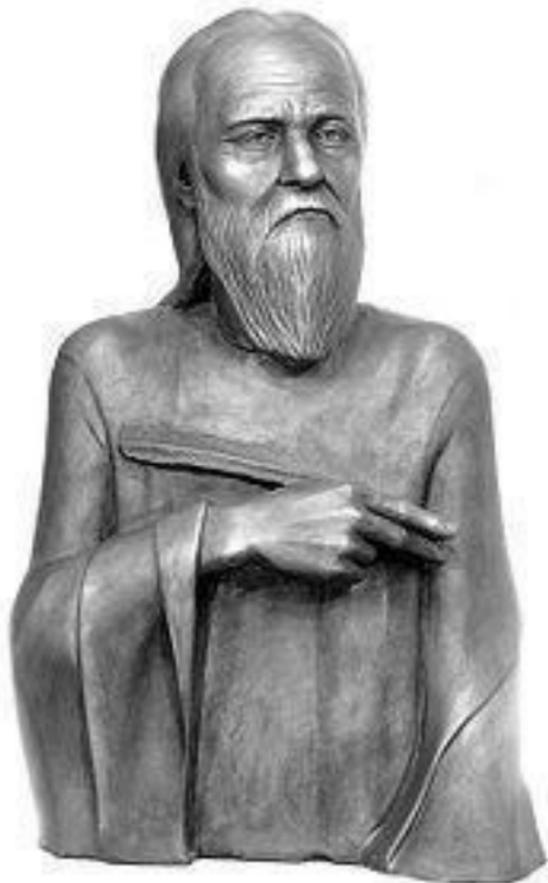
Так вот, мне так же всегда казалось, что на этом бесконечном свитке то и дело попадаются большие черные пятна, оставленные тем же пресловутым летописцем по небрежности или – кто знает? – по коварному умыслу. Иными словами, кое-что нам узнать уже не суждено, а ведь хочется, ой как хочется...

Наличие чёрных пятен подразумевает как бы неодолимое стремление историков их обелить или хотя бы сделать чу-

точку светлее. Вот тут и начинаются всевозможные фантазии и теории, подкреплённые, а то и не подкреплённые фактами и элементарной логикой.

Чем я хуже, подумалось мне однажды, попробую и я покопаться в этом богатом на клады и неожиданные открытия историческом огороде. Или, если угодно, минном поле. Так и появились мои серые пятна истории...

Нестор и русские герои

Про летописца Нестора в своё время ходило много слухов, мол, берёт взятки за то, чтобы вписать чьё-то имя на скрижали истории. Сколько берёт, никто в точности не знал,

потому что не пойман – не вор. А Нестор и в самом деле был мужиком скрытным и довольно скуповатым. Если уж кого-то вписывал в летопись, то с очень большим скрипом и после очень долгих уговоров.

Приходили к нему даже Александр Невский и Дмитрий Донской. Мы, говорят, герои общенационального значения, взаимправдашние, и нет никаких сомнений в том, что место в истории нам обеспечено на сто процентов, тут и к бабке не ходи. А Нестор им: справочки, пожалуйста, предоставьте, да ещё чтобы печатями были заверены, что вы участники хрестоматийных легендарных событий. А то много вас тут таких ходит, а я один, и ошибаться мне нельзя. История мне этого не простит.

– Какие, к чёрту, справки?! Морда твоя бюрократическая! – возмущаются герои. – Ты на наши доспехи ратные посмотри – все иссечены вражьими саблями! А ранения, после которых простые смертные не выживают?! Вот тебе и подтверждение нашего героизма.

– Тут намедни ко мне Иван Грозный заглядывал, бородой своей сивой тряс да страшал лютой погибелью, если не уважу, – гнёт свою линию Нестор, – только для меня истина дороже: не вписал я его, душегуба. Пущай палкой замахивается на сына своего непутёвого, а не на меня, и не надеется на снисходительность. А вас, господа, может быть, и впишу, но... только после того, как буду иметь на руках заверенную справочку!

Задумались герои: где же им взять такие справки? К Ку-тузову обратиться – так тот может выписать документ только о Бородинском сражении, не больше. К маршалу Жукову вообще не суйся – он не только бумагу не даст, да ещё в шею вытолкает, такой у него характер скверный.

– Может, у псов-рыцарей какой-нибудь документ выправить? – размышляет Александр Невский. – Так ведь я их всех перебил поголовно, хоть бы одного на развод оставил!

– А мне как быть? – чуть ли не рыдает Дмитрий Донской. – Хоть я и не всех татаро-монголов извёл, но что с них взять – они же поголовно неграмотные, да и письменности у них отродясь не было...

Так и не внёс их Нестор в свои летописи. А внёс только тех, кого сам пожелал. Но на каких условиях – об этом история умалчивает. И мы глубокомысленно промолчим. А что тут ещё, скажите, прибавить?

Карамзин, Ключевский и Пётр Первый

Историки Карамзин и Ключевский часто собирались вместе, чтобы сочинять историю России. Но в архивах копать они не любили, потому что ничего приятного в этом занятии нет – пыли наглотаешься, папка какая-нибудь того и гляди с полки сверзится и по маковке даст, к тому же, пока что-то дельное откопаешь, не один месяц пропыхтишь в бумажных завалах.

А был у них один проверенный способ – вызывать с помощью спиритизма души умерших государей и выпытывать, как всё было. С всякими древнерусскими князьями да татарскими тохтамьшами проблем не возникало. Только покрути тарелочку по столу, клики мертвеца по имени, и он уже тут, сердечный. Давайте, мол, господа, выкладывайте свои вопросы, да поживее, а то спать вечным сном мешаете, и вообще не княжеское это дело – интервью потомкам давать.

А историкам только того и надо – вопросы у них уже готовы, а то, что осталось неразъяснёнными, сами додумывают и выдают за чистую монету. А кто их, академиков, подловит на вранье? Знамо никто.

И вот добрались они в своих сочинениях до Петра Первого.

Словно сердце им подсказывало, что царь Пётр – тип вредный и исключительно капризный, наделает проблем, от

которых только тошно станет. Мужик он был пьющий, тиран и самодур, а уж если ему что-то не по нутру, то впадал в истерику и ломал стулья. И не только стулья.

Покрутили академики тарелку, позвали дрожащими голосками Петра, а тот уже тут как тут – мало того, что грязно материться без причины начал, так ещё и глазищами с портрета со стены сверкает.

– Чего звали, холопы? – вопрошает. – Совсем страх потеряли – прах монарший беспокоить!

– Скажите, Пётр Алексеевич... – заблеял Ключевский.

– Кто таков? Какого дворянского роду-племени?! – рычит царь, аж, портрет на стене трясётся.

– Я...

– Молчать! Розгами засеку, батогами забью!.. Чего хотел? Учти, если какую-нибудь ерунду попросишь, то лучше бы помер раньше, чем на свет родился!

– Он будет спрашивать, – и указывает пальцем на Карамзина, а у того поджилки так трясутся, что слова вымолвить не в состоянии.

– Трусливые вы людишки, – окончательно разгневался Пётр, – после моей кончины совсем народ измельчал! Даже говорить с вами противно! Тьфу на вас!.. Я пошёл, а вы тут оставайтесь. Но учтите, ещё раз меня побеспокоите по пустякам, я найду на вас управу, ох, найду!

После того, как раскаты царского баса стихли, а портрет перестал сверкать глазищами, историки чуть успокоились. Сидят, друг на дружку пялятся, отдышаться не могут.

– Слушай, а что мы его испугались? – обрёл дар речи Карамзин. – Что он нам сделает – он же на том свете, а мы пока на этом...

– Ой, не говори! – заохал Ключевский. – У него рука повсюду... Лучше давай ничего плохого про него писать не будем. Напишем, мол, обычный правитель, воевал со шведами, строил корабли да города, морды народу чистил – ничего плохого и ничего хорошего. Царь как царь. Лучше с ним не связываться!

Как решили, так в итоге и написали. Это уже сегодня мы придумываем про Петра всё, что нам в голову взбредёт. Правда, тем, кто спиритизмом по старинке промышляет и тарелочки крутит, есть чего опасаться. Мало ли что – не только у Петра, но и у многих наших предков везде рука имеется. Да и современники им не уступают...

Михайло Ломоносов и скорпионы

Свои юные годы Михайло Васильевич Ломоносов провёл в Германии, где изучал всякие премудрости в тамошних университетах. Причём изучал всё подряд, так как деньги за обучение были уже заплачены, и недосуг было разбираться в деталях, ведь всё свободное время он проводил в пивных, где очень пристрастился к пиву с сосисками. А свободного времени у него было много, потому что он, как каждый уважающий себя гордый росс, занимался только перед сессиями, а их, как известно, всего две в году.

И каждый раз перед сессиями у него возникали нелады с немецким языком. В пивнушках-то он обходился всего двумя фразами «наливай» и «пшёл вон!», знакомыми любому халдею, а вот в университетах было сложнее. Чтобы облегчить изучение непослушного немецкого языка, Ломоносов взялся за перевод наиболее употребительных слов на русский. Но скоро столкнулся с рядом проблем. Взять к примеру нехорошее обувное слово, которое он запомнил, как точно писать: «калоши» или «галoши»? Чтобы не ломать голову, он стал звать любую резиновую обувь «мокроступами». Этаким новаторским приёмом впоследствии воспользуются ярые поборники чистоты русского языка, а пока Михайло Васильевич восхищался своей изобретательностью и, дабы славное начинание не зачахло на корню, продолжал заниматься дальнейшими изысканиями.

Как-то хозяйка одной из пивнушек решила остудить не

в меру разгулявшегося студента и облила его единственный камзол пивом.

– Экая ты гадюка! – рассвирепел будущий учёный и стал ожидать реакцию хозяйки.

Но та, к его удивлению, не отреагировала никак. Видно, в немецком языке нет слова «гадюка».

– Экая ты кобра! – выдал второй вариант Ломоносов.

Результат был тот же. Видно, в германских лесах кобр не водилось, и никто с ними знаком не был.

– Экий ты скорпион! – продолжил Ломоносов.

Хозяйка подскочила, как ужаленная, что-то залопотала и выплеснула на его камзол ещё кружку пива.

– Ага, въехала! – радостно захлопал в ладоши Михайло Васильевич. – Тут скорпионов отродясь не водилось, но смысл до неё дошёл! – И прибавил, победно улыбаясь: – И дети у тебя скорпионы, и внуки! И даже потомков будут звать скорпионами, попомни мои слова!..

Если бы только знал великий учёный, что он, как всегда, оказался прав! Потомок хозяйки пивнушки станет в буду-

щем музыкантом всемирно известной рок-группы «Скорпионе», и эту группу будут знать и любить куда больше, нежели самого Ломоносова. Даже в России, ради которой он в недружелюбной Германии живота не жалел...

Рубенс и Папа Римский

Великий фламандский художник Рубенс не любил рисовать парадные портреты всякой знати, которая, с одной стороны, хотела увековечить свой облик для потомков, с другой стороны, жадничала платить за картины достойную цену. И посему искала всяческие причины снизить сумму гонорара, а то и вообще обвинить художника в бездарности и халтуре.

К чему они только ни придирались! Мол, тут на мундире пуговицы синенькие, а у меня, погляди, зелёнькие! А нос мой орлиный отчего на твоей мазне варёной картошкой вы-

глядит?! А уши как у слона африканского?! Короче, вот тебе десять гульденов за твои каляки-маляки, и точка. Скажи спасибо, что вообще взашей не выперли!

Подобная ситуация кого угодно вгонит в депрессию, а Рубенс был человеком всё-таки ранимым и воспринимал обиды очень болезненно. Он видел, что его картины расхватывают, как горячие пирожки, и всё на самом деле обстоит совсем иначе, но ничего поделать не мог. Он-то не один на портретном рынке, и только начини вертеть носом и отшивать богатых заказчиков, тут же работу ушлые собратья по цеху перехватят. А вот подвернётся ли впоследствии ещё что-нибудь, бабка надвое сказала.

Он даже подумывал податься в Россию рисовать олигархов, да его отговорили, мол, эти ребята непредсказуемые – культуры у них никакой, а вот хамства выше крыши. Тут и можно головы лишиться ни за понюх табаку. Короче, раздумал Рубенс ехать в Россию на заработки.

– Кто я – человек или тварь дрожащая? – рассуждал он, расхаживая по мастерской. – Сколько можно пресмыкаться перед богатыми мира сего? Этак и себя не увековечишь, малюя хари этих крохоборов! Пора приступать к нетленке!

И задумал он нарисовать Папу Римского, восседающего на своём престоле в окружении ангелов. А что – Папа человек образованный, наверняка оценит мастерство художника. Да и скупердяйничать ему не с руки – всё-таки наместник Христа на земле, а не какой-нибудь вшивый маркиз или за-

худалый герцог! Вон у него какие дворцы!

Сказано – сделано. Готовую работу Рубенс сперва продемонстрировал домочадцам, но их словам веры нет. Кто же станет хаять работу, от продажи которой произрастёт семейное благополучие?!

Замотал художник картину в тряпку и отправился в Ватикан к Папе. Тот долго и придирчиво изучал полотно, прихвываясь к краске и, наконец, выдал вердикт:

– Похоже, но не очень! Ты тут какого-то жирного жлоба нарисовал с мордой законченного алкоголика, а разве я такой? Что про меня просвещённый мир скажет, когда увидит таким на картине? Щёки как булки, глазки блудливые, рука поднята не для благословения народов, а будто в ней стакан, чтобы чокнуться с собутыльником! Да и ангелочки во круг – что это за поросята с крылышками?! Нет, не беру я твой товар, не нравится он мне!

Вышел Рубенс на улицу с картиной под мышкой и от возмущения плюнул на мостовую. Оказывалось, что Папа ещё хуже остальных заказчиков. Те хоть к пуговкам на мундирах да к носам на физиономиях придирались, но картины выкупали, а тут изначально полный облом!

– Ну, я ж тебе покажу! – погрозил Рубенс кулаком в сторону Ватикана. – Я эту картину так переделаю, что чертям в аду тошно станет!

И переделал, как обещал. Только вместо папской мантии мужик на картине остался нагишом, во всей своей рыхло-

сти и дряблости. В руке он теперь держал кубок с вином, а ангелочки вокруг него кувыркались и оправляли нужду без всякого стеснения. Вместо мудрого кардинала-советника за спиной теперь стояла развратная особа с голой грудью... Если бы хватило места, Рубенс пририсовал бы ещё что-нибудь не менее скандальное, но... увы. Впрочем, хватило и того, что есть.

До наших дней сохранилось довольно много живописных работ великого мастера. В них он действительно показал всю свою мощь и силу таланта. Вот только полотно под названием «Вакх» стоит несколько особняком. Однако в каком бы громадном зале и в какой бы коллекции это полотно ни выставлялось, оно сразу приковывает внимание, и рядом с ним всегда толпятся люди...

Вот, оказывается, как нужно раздраконить настоящего мастера кисти, чтобы он даже из такого незамысловатого сюжета про пьянку создал настоящий шедевр!

Пушкин и Гоголь

Выпивали как-то в выходной день Пушкин и Гоголь. Почему именно в выходной? Да потому что выходных дней тогда было куда больше, чем сегодня, а водка стоила намного дешевле. Просто других вариантов приятно проводить время у великих писателей не оставалось.

Пушкин был вообще-то мужиком смешливым и лёгким на подъём, а Гоголь наоборот – бука букой. Дай, думает Пушкин, развеселю его, а то с ним выпивать такое муторное дело, хоть в петлю лезь, как мой будущий последователь Серёга Есенин.

А Гоголь наоборот с каждым выпитым стаканом всё мрачнее и мрачнее становится, и хрен там разберёшь, какие у него в голове тараканы усами шевелят.

– Хочешь, Колян, я про тебя стихотворение сочиню, и его будут потом в школах детишки наизусть учить? – говорит Пушкин. – Или, к примеру, роман в стихах?

А что, подумал про себя Гоголь, пускай пишет, дело-то ведь для него нехитрое, и спрашивает:

– Точно роман напишешь? Не обманешь?

– Вот те крест! – засмеялся Пушкин. – Мне и врать-то неприлично! Сам посуди: солнце русской поэзии – и брешет, как сивый мерин!

– А как ты этот роман назовёшь?

– Ну, твоим именем, сам понимаешь, нескромно будет. Назову-ка его... ну, скажем, «Евгений Онегин». Имя на твоё не похоже, но субъект будет – точная твоя копия. От всего нос воротит, всё ему не так, пиво кислое и бублики чёрствые – короче, типчик ещё тот. Сам удивишься полнейшему сходству.

Тут уже Гоголь обиделся не на шутку. Это ж надо так наесть на коллегу по писательскому цеху! И затаил он на гения обиду. Потому и решил тоже вставить Пушкина в свой роман «Мёртвые души», но в виде самого что ни на есть гнилого персонажа, а фамилию не менять, только слегка переиначить. И вышел у него в итоге крохобор Плюшкин. Пушкин, может, о том и подозревал, но до самой смерти в этом не признавался.

Выпивают они дальше, а Пушкин не перестаёт бахвалиться. Мол, я такой-сякой, и мне равных нет, и на Олимпе я хрен подвинусь, чтобы кому-то место рядом уступить. А Гоголь сидит мрачнее тучи, обиду копит и всё никак не придумает, как подкузьмить Пушкина покрепче. На дуэль вызвать? Нет, не получится, тот в тире регулярно тренируется – того и гляди сам пулю в лоб схлопочешь. Так ничего и не придумав, Гоголь оттаскал обидчика за бакенбарды, а потом хлопнул дверью и ушёл по своим делам.

До последних своих дней он не простил Пушкину обиду. А когда помер и его закопали, то даже в гробу не мог успокоиться – всё вертелся и горестно вздыхал. И это истинная

правда, потому что много лет спустя, когда его раскопали для каких-то исторических нужд, лежал он совсем не так, как его первоначально укладывали...

Пушкин и Лермонтов

Пушкин с Лермонтовым друзьями никогда не были. Да и друзей-то ни у одного из них, по сути дела, не было. Пушкин всех ехидно подкалывал, в карты обыгрывал, деньги занимал, а потом не отдавал, и уважали его только те, кто не знали лично. С Лермонтовым и того хуже. Он вечно всех награждал обидными кличками, а женщин нарочно влюблял в себя, а потом, даже не обманув по-человечески, бросал и уезжал на Кавказ залечивать душевные раны.

И вот как-то встретились они на стрельбище и давай спорить: кто лучше стреляет из пистолета. Пушкин хвастается, мол, я на лету комара подстрелю. А Лермонтов в ответ, мол, я этому комару могу на спор одну только жужалку отстрелить, вот как. Долго они спорили, но, так и не придя к консенсусу, отправились в буфет пить пиво. В то время на стрельбищах буфеты работали исправно и пиво в ассортименте всегда было, потому что какой нормальный стрелок без кружки-другой в мишень попадёт?

Сидят они там за столиком, пену с пива сдувают и не перестают каждый сам себя расхваливать.

– Есть у меня знакомый, – говорит Пушкин, – Дантесом зовут. Сволочь последняя, но стреляет как бог...

– Знаем такого, – язвит Лермонтов, – по чужим жёнам он стреляет и не промахивается. Вот и твоя Наталья...

– Да ты что?! Она мне изменяет с французиком?

– А вот у меня есть друг Мартынов, – не обращает на него внимания Лермонтов, – мы с ним ещё на Кавказе на злых чеченов охотились...

– Какой сам, такие у тебя и друзья, – продолжает кипятиться Пушкин, – и фамилия у него соответствующая. И сам

ты, хоть и клёвый поэт, но похож на мартышку!

– Это я-то мартышка?! А ты – папуас африканский!

Спорили они так, спорили, а потом задумались: для чего они друзей в спор приплели? Ведь друзья-то эти, как выяснилось, никакие не друзья, а наоборот самые что ни на есть отъявленные негодяи и мошенники. Дантес с чужой женой шашни крутит, а про Мартынова и вовсе говорить нечего – фамилии за просто так не даются.

– Я этого мерзавца Дантеса на дуэль вызову, – кричит Пушкин, – на лету его подстрелю, мне это раз плюнуть!

– А я Мартынову на дуэли жужалку отстрелю, – вторит ему Лермонтов, – пускай знает, как с такой фамилией к гениальным поэтам подваливать!

Напились они пива, и каждый отправился своего недруга на дуэль вызывать. А так как пиво обостряет зрение только на стрельбище, но никак не на природе, то читатель сам помнит, что из этого рожна в конце концов вышло. Не надо им было пить пиво, ох, не надо было...

Пушкин и Достоевский

Достоевский был отъявленным картёжником, притом таким, что проигрывался в пух и прах и потом добирался домой нагишом. А добираться приходилось белыми ночами, поэтому он очень стыдился своего непотребного вида и всегда к кому-то заворачивал, чтобы перехватить какую-нибудь рубашонку и штаны и потом при случае вернуть. Правда, такого никогда не случалось, потому что он буквально на завтра проигрывал полученную в займы одежду, а потом врал, мол, его по дороге бандиты ограбили или ещё что-нибудь не менее мрачное и трагическое.

Все об этом уже давно знали, и никто ему ничего в долг не давал. Даже старухи-процентщицы, которых он по этой причине люто ненавидел, но не знал, как отомстить.

Однажды, будучи в полном неглиже, он заглянул на Фонтанку к Пушкину, а тот не спал всю ночь, так как писал очередную главу «Евгения Онегина», впоследствии, после общения с Достоевским, сожженную в камине.

– Слушай, Саша, тошно мне, хоть руки на себя накладывай, – признался Достоевский, – не могу ничего с собой поделать. Проклятые карты обуревают. Я уже столько задолжал, что напиши ещё десяток романов, всё равно долгов не покрою. И ведь Некрасов-издатель – сука порядочная, рома-

ны-то с ходу печатает, а гонораров у него не допросишься. Как, скажи, в такой обстановке жить?

– Ты единственный в Питере, кто на мою Наталью глаз не положил, поэтому дам тебе дружеский совет, – залился слезами Пушкин, – завязывай ты с картами, а заодно с этими левыми издателями типа Некрасова. Ведь ты же, Федя, писатель с большой буквы Ф, брось пьянки и карты, а то повесишься в «Англетере», как Серёга Есенин, или застрелишься, как Маяковский. А оно тебе, скажи, надо?

– Не надо, – согласился Достоевский. – Но и без штанов тоже ходить нельзя.

– Я бы тебе отдал свои, – принялся врать Пушкин, – да они у меня последние. Разорился, понимаешь ли, с изданием журнала. Оттого и романы в стихах писать начал, чтобы на новые штаны заработать.

– Значит, не дашь штанов?

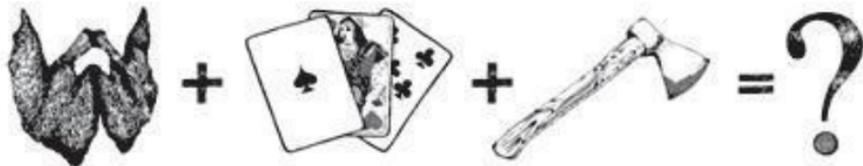
– Не дам, – сказал Пушкин и поскорее вытолкал Достоевского за дверь.

Тот постоял немного в холодной парадной и отправился домой не солоно хлебавши. По дороге он печально раздумывал о том, какие всё-таки люди чёрствые и бессердечные, даже если они и великие поэты.

Однако проблему нужно было как-то решать – не оставаться же в памяти потомков бродягой голозадым! И решил Достоевский снова отправиться к старухе-процентщице. Не даст денег в долг, решил он про себя, порешу её нахрен, то-

пором голову снесу.

И вдруг ему стало безумно себя жалко. Нет, не буду её убивать, вздохнув, решил он, лучше напишу про это роман – пускай им всем потом стыдно будет!

Пушкин и Байрон

Однажды встретились Пушкин и Байрон. Хотя Пушкин был и аристократом, но парнем был простым и компанейским, с которым можно запросто выпивать не только за столиком в пивбаре, но даже в тамбуре электрички. Байрон тоже был аристократом, но, в отличие от нашего Александра Сергеевича, важным и надменным, и до простого народа не опускался, но пиво всё равно уважал, как все нормальные англичане. Однако в электричке пить категорически отказывался, ссылаясь на антисанитарные условия и близость неисправного туалета.

Встретились они, значит, и Пушкин говорит:

– Слушай, Жора, я твоих стихов столько на русский язык напереводил, что ты, наверное, столько даже и не написал! Я, конечно, понимаю твою занятость в деле национально-освободительной борьбы греков против турок или наоборот – хрен их там разберёт, но пойми: сколько такое может продолжаться? Я тебя перевожу, можно сказать, почти бесплатно, и тебе ни спасибо в жменю, ни пива в кружку, ни рублик в портмоне. Разве так можно? Хотя бы для порядка портвейничка какого-нибудь пару флаконов выкатил, так ведь – дуля с маслом...

– Как?! – возмутился Байрон. – Вы, сэр, мои произведения без моего согласия переводите?! И, небось, публикуете миллионными тиражами да наверняка в Интернет сгрузили для всеобщего бесплатного обозрения?! Да вы знаете, что я с вами за это сделаю?! Это же форменное нарушение авторских прав, и у нас за это строго судят!

– Ни хрена себе! – удивился Пушкин и почесал бакенбардину. – Я к нему со всем уважением, а он даже понять не хочет, что переводит его не какой-нибудь фиглин-миглин, а самое что ни на есть солнце русской поэзии! Змею на груди пригрел, анчар ему в дышло! Это ж надо, как я обломался?!. Слушай, Жора, может, всё-таки договоримся, а? Поедем к

цыганам, шампанского выпьем, братьев Жемчужных да Машу Распутину послушаем не в записи, а в оригинале?

– Нужна мне твоя Маша! – заупрямился Байрон, – Если захочу, мне сам сэр Элтон Джон на рояле сбациает не хуже братьев Жемчужных, вот! А за авторские права, то есть за базар всё равно отвечать надо! За такие проступки в нашем аристократическом кругу одними канделябрами по морде не отделаешься!

– Не-е, брат, – рассмеялся Пушкин, – что я вам – резиновый? Меня уже Дантес на дуэли ждёт не дождётся, не могу.

Вдруг он меня... того, тогда я по отношению к тебе обманщиком откажусь. Лучше давай я сам тебе портвешку пупырёк выкачу и – замнём для ясности...

Махнул рукой Байрон и, прихрамывая, убежал на все четыре стороны. Лучше уж отстаивать права греков против турков или наоборот – хрен их разберёт! Там больше ясно-

сти. А в России никаких своих прав не отстаивать, будь ты хоть трижды лордом и солнцем английской поэзии.

Ко всему прочему, поклялся Байрон, что за такие проделки принципиально не станет переводить стихи Пушкина на английский язык, и слово своё сдержал. Можете сами убедиться – полистайте его собрание сочинений...

Дельви́г и Кюхельбеккер

Пушкинские современники и однокашники по Царско-сельскому лицейу Дельви́г и Кюхельбеккер были неплохими поэтами, но, как ни старались, до своего именитого коллеги дотянуться не могли. Однако под сенью его величия успешно издавали свои книжки и, может, канули бы в лету, как многие из их круга, если бы постоянно не ссылались на авторитет великого Александра Сергеевича.

И ещё им очень не повезло с фамилиями. Будь они, к примеру, Петровым и Сидоровым, им жилось бы куда проще и комфортней. Не смотря на то, что русский язык был для них родным и близким, а немецкий, французский и прочие – выученными и чуждыми, всё равно настоящими русскими поэтами их никто упорно не считал. А некоторые даже подозревали, что они скрывают своё еврейское происхождение. Более того, их стихи почему-то казались искусными переводами с какого-то иностранного.

Впрочем, время, в которое они жили, было, наверное, всё-таки наиболее удачным для них. Живи они раньше, разве дали бы им публиковаться и властвовать над умами читающей публики Жуковский с Державиным? Конечно, нет. Поэтов всегда тьма тьмущая, и все хотят быть властителями, а грамотных в те стародавние времена было совсем не так много, как хотелось. Сегодня грамотного населения чуть больше, но

всё равно недостаточно, да и нужна ли нынешнему грамотному населению поэзия – ещё вопрос.

Жили бы Дельвиг с Кюхельбекером во время октябрьской революции, положение их было бы ещё более двусмысленным. Мало того, что фамилии явно дворянские, так ещё и конкуренция неизмеримо острее. Ясен пень, тема крестьян

и рабочих была бы им скучна и неинтересна, так ещё и их старомодная стилистика явно выбивалась бы из выпендрёжных изысков, без которых в те времена и поэт вроде бы не считался поэтом.

Страшно сказать, как поступила бы с ними советская власть, живи они в тридцатые годы. Тут уже все параметры, как один, вписывались в расстрельные статьи. Так что лучше и не представлять, что с ними тогда бы было.

Дельвиг и Кюхельбеккер спорят о поэзии (снято папарацци)

А сегодня – нашлось бы этим беднякам место в стройных рядах русских поэтов? Конечно, со святой троицей – Евтушенко, Вознесенским и Рождественским – не потягаешься, так как разные весовые категории, но и в громадную плеяду

второсортных властителей дум они вписались бы с трудом. А вероятней всего, им и там не нашлось бы места, потому что уж очень замшелые они авторы, а стихи их ну никак не годятся в тексты для песен Пугачёвой, Леонтьева и – страшно сказать! – Лаймы Вайкуле.

Вот так и остались в принципе неплохие стихотворцы Дельвиг и Кюхельбекер в стороне от поэтической жизни нашей страны, которая по праву носит титул самой читающей на свете державы. Однако фамилии их не канули в лету, но вовсе не из-за литературных достоинств их носителей, а скорее из-за их диковинности для русского уха.

Афанасий Фет и Фёдор Тютчев

Афанасий Фет был очень толстым и стеснительным поэтом. Фёдор же Тютчев был наоборот строен, подтянут и в меру нахален. Единственное, что их сближало, это уверенность в том, что поэзией прокормиться никак невозможно, поэтому один всю жизнь служил офицером в армии, другой – дипломатом за границей. И каждый из них очень завидовал своему коллеге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.